

Диван был высоким, журнальный столик — вровень с сиденьем. Сюй Сицзин, сгорбившись, медленно прожевывал еду. Домашний повар помнил его вкусы, поэтому подавались только любимые блюда. Но Цинь Цзэюань, сидевший рядом и неотрывно за ним наблюдавший, заставлял Сюя нервничать, и тот почти не мог есть.

Цзэюань заметил, что движения Сюя замедляются, и с усмешкой спросил:

— Что, не по вкусу?

Сюй покачал головой. Его бледное, уставшее лицо отражалось в глянцевой поверхности столика. Он выпрямился, взял салфетку, промокнул губы и сказал Цзэюаню:

— Господин, если у вас есть дело, скажите прямо.

Цзэюань рассмеялся, откинулся на спинку дивана, приняв более удобную позу:

— Чем старше становишься, тем меньше почтительности. Просто позвал тебя домой поесть, а ты уже подозреваешь недоброе. В конце концов, ты вырос в семье Цинь в роскоши. Разве я могу тебе навредить?

Сюй Сицзин не нашёлся, что ответить, и молча продолжил есть. Сделав ещё несколько глотков, он положил палочки:

— Господин, я наелся.

Цзэюань взглянул на него, затем на его судорожно сжатые пальцы, и тихо усмехнулся:

— Если наелся, иди помойся и ложись спать.

Сюй, словно получив помилование, быстро встал и задел небольшую тарелочку с печеньем на краю столика. Цзэюань лишь взглянул на это:

— Ничего, иди. Кто-нибудь уберёт.

Шаги Сюя замедлились, когда он поднимался по лестнице. На полпути он услышал голос Цзэюаня из гостиной:

— Иди мыться в мою комнату.

Сюй чуть не споткнулся, сбегая вниз. Слуги, не получив указа от Цзэюаня, не решались подойти. Рассыпанное печенье всё ещё лежало на полу. Сюй опустился на колени, собирая его, и бормотал:

— Господин Цинь, я сам уберу. Я... я буду спать внизу, мне не нужно в вашу комнату.

В старой усадьбе семьи Цинь царил строгая иерархия: хозяева жили на втором и третьем этажах, слуги — на первом.

Цзэюань поднял Сюя, полуобняв, вытер его испачканные руки салфеткой, стряхнул крошки и сказал с улыбкой:

— Что за речи? Ты наш законно усыновлённый ребёнок. К чему тебе делать работу прислуги и жить с ней? Ладно, я провожу тебя помыться.

Сюй был уже не ребёнком, но Цзэюань всё равно понёс его на руках вверх по лестнице. Сюй, боясь упасть, хотел ухватиться за воротник Цзэюаня, но счёл это ненадёжным и просто сжал кулаки.

Он вспомнил, как в восемь лет впервые увидел Цзэюаня. Тот был тогда ещё молод, но его объятия уже казались безбрежными. Они укрыли Сюя, и проливной дождь больше не касался его.

Тогда он считал его своим спасителем в годы одиночества.

Всю ночь Цзэюань переворачивал Сюя с боку на бок, и утром тому было тяжело подняться. Он стиснул зубы, сел на кровати и усмехнулся собственной слабости. Сколько бы он ни готовился морально, в итоге всё равно сдавался под натиском Цзэюаня.

Давление Цзэюаня было слишком сильным. Сбежать не получалось.

Спустившись вниз, Сюй увидел Лао Суна в главном зале. Слуги, заметив его, направились на кухню, чтобы подать завтрак в столовую. Сюй окликнул Лао Суна:

— Дядя Сун, вы так рано. Давайте позавтракаем вместе.

Лао Сун последовал за ним в столовую, но не сел и не взял палочек. Он лишь положил на маленькую тарелочку перед Сюем несколько изысканных закусок и принялся ворчать:

— Господин Цинь сегодня утром уехал в соседний город на совещание. Перед отъездом велел, чтобы ты позавтракал, прежде чем возвращаться на съёмки. Ещё сказал, что в пайке на площадке нет ничего питательного, и ты выглядишь похудевшим, так что велел Матушке Чжан ездить с тобой в отель и готовить тебе отдельно...

Цзэюаня не было, и Сюй сел на хозяйское место. Он заметил, что сырные пирожные выглядят вкусно, но тарелка стояла далеко. Он поднял глаза, давая знак Лао Суну. Тот, увлечённый своим бормотанием, заметил его взгляд и сменил тон:

— Ай-яй, господин Цинь давно говорил — такие сладости на стол не ставить. Сказал, будешь есть, потом зубы заболят.

Слуга с быстрой реакцией тут же убрал это блюдо со стола.

Сюй, утомлённый ворчанием Лао Суна, почти не имел аппетита. Он немного поел, вытер рот и сказал:

— Я наелся, поехали.

Лао Сун поспешно засеменял за ним, прислуживая этому капризному молодому господину. На самом деле Цзэюань уехал ещё затемно, готовясь к совещанию и наказывая Лао Суну целую кучу дел. Неважно, что Сюй не слушал, — Лао Сун обязан был всё выполнить.

По дороге на съёмочную площадку Сюй уснул в машине. Лао Сун предлагал ему прилечь, но тот отказался: мол, из-за сна волосы помнутся, потом весь день в парике — и причёске конец. В итоге он всё равно заснул, склонившись на колени Лао Суна. Тот достал телефон, сообщил Цзэюаню о положении дел и вздохнул.

Каждый раз, возвращаясь из родовой усадьбы, Сюй начинал капризничать и важничать, словно

пытаясь выпустить накопившуюся злобу. Но в последнее время эти вспышки становились всё слабее. То ли он устал, то ли снова что-то замышлял. Лао Суну тоже было жалко Сюя. Попав под начало такого человека, как Цзэюань, разве мог он сам что-либо решать?

Сюй прибыл на площадку как раз к началу работы. После грима он приступил к съёмкам. Он обычно проявлял профессионализм, тщательно готовясь к роли и заучивая реплики. Сюй искренне любил эту работу — она придавала его жизни новый смысл.

Сериал, в котором он снимался, назывался «Первый ассасин». Он играл ассасина — того самого, первого. Этот проект финансировала его агентская компания «Гуанхэ», которая, в свою очередь, контролировалась семьёй Цинь. Так что, в конечном счёте, этот сериал был вложением Цзэюаня в него.

Но сам Сюй не был пустой бездарностью. Многие молодые актёры толпами шли в дорамы, а желающих спокойно сниматься в исторических сериалах было мало, тем более в планируемом на шестьдесят серий масштабном проекте. Цзэюань не жалел денег, чтобы построить для Сюя сцену: пригласил первоклассных режиссёров и сценаристов. И игра Сюя в целом соответствовала уровню этой звёздной команды.

Съёмки шли довольно гладко, и к концу рабочего дня настроение у Сюя было хорошим. Несколько фанатов, преследовавших его вчера, оставались с ним и сегодня. Сюй не особо раздражался из-за их навязчивости. Он слышал от коллег по группе о проблемах с сасэн-фанатами: вежливые просьбы не помогали, а крик «Хватит преследовать!» с большей вероятностью вызывал визги «Какой красавчик!». Лучшим способом было просто игнорировать их, делая вид, что не замечаешь.

Сюя заметил скаут, когда тот учился за границей. Он тайно от Цзэюаня согласился стать стажёром. Не прошло и двух месяцев, как компанию поглотило более крупное развлекательное агентство, и на первой встрече после слияния Сюй увидел Цзэюаня, восседающего во главе зала заседаний.

Атмосфера в развлекательной компании была оживлённой, но Цзэюань, долгое время находившийся на вершине и обладавший недюжинными способностями, излучал холодную решительность, наделённую властью над жизнью и смертью. Все сотрудники боялись даже взглянуть на него. Цзэюань же, казалось, не обращал на это внимания, лишь бросил на остолбеневшего Сюя Сицзина долгую, многозначительную улыбку. Из-за этой улыбки Сюй пролежал в постели три дня.

Цзэюань лишь мельком появился в компании и не дал никому заметить его связь с Сюем. Но тот всё равно долго тревожился, пока однажды не увидел, как Карен выходит из машины Цзэюаня, и наконец облегчённо вздохнул.

Надо сказать, Карен обладала недюжинными способностями. Вокруг Цзэюаня никогда не было недостатка в людях, красивые мужчины и женщины сменяли друг друга, но Карен продержалась рядом с ним сравнительно долго. Сюй себя в этот счёт, впрочем, не включал.

Карен отчаянно жаждала славы, и попасть в постель к Цзэюаню было для неё способом осуществить мечту. Цзэюань был щедр и не скупился на продвижение Карен. У Сюя были масштабные съёмки с сильной командой, а гламурная работа по посещению Недель моды и созданию имиджа досталась Карен. От уличных съёмок в аэропорту до фотографий на показах — Карен в этот раз привлекла к себе много внимания и была в центре всеобщего восхищения.

Ужин принёс Лао Сун. Войдя в номер, он увидел, что Сюй лёжа на кровати просматривает

новости о Карен. Та была хуацяо и главной вокалисткой группы, её английская речь звучала плавно и приятно. Сюй включил видео и смотрел его с улыбкой.

<http://bllate.org/book/16267/1463690>